

Климентий Первущин

РАССКАЗЫ

ОБИТЕЛЬ БОГОВ

Бортовой ЗИЛ вёз на очередной заезд бригаду разновозрастных мужчин. Никита жил в квартале леспромхозовских пятиэтажек, поэтому был знаком со многими из трактористов, вальщиков и водителей МАЗов. Ему не составило труда договориться о поездке в среднее течение реки Убы, где на горе Теремок собирался пострелять глухарей. Заядлый охотник всегда брал отпуск к открытию сезона. В прошлом году он познакомился с местным пчеловодом Захаром Сидоровичем Армяниновым и ночевал у него на поселье. Проникнувшись взаимной симпатией, они сдружились, и тот пригласил охотника в любое время, не церемонясь, заезжать в гости.

Как обычно, перед заездом ребята хорошо погуляли, кто-то успел опохмелиться, кто-то хмуро сидел, разглядывая знакомые пейзажи. Семь десятков километров по горной грунтовой дороге покажутся им довольно долгими.

Никита, пристроившись у заднего борта, с интересом разглядывал проплывающие мимо разноцветные горы и лица пассажиров вахтовки. Молодёжь и ветераны вели себя на равных, подшучивая друг над другом.

Весёлый, год назад пришедший из армии Юрка Козлов прицепился к деду Коптеву, который был лет на тридцать старше его:

– А расскажи-ка, Фрол Мироныч, нам, салагам, как ты со своей бабкой управляешься?

Молодёжь заржала, предвкушая, как старый чокеровщик выкрутится из этого положения. Пожилой мужчина спокойно поглядел на ёрничающего тракториста и заговорил:

– Да я тебе, сынок, ещё фору дам! Куда тебе сравниться с нами, многожилыми, которые ещё в войну лес валить начали, правда, Степаныч? – обратился к седому мужику Коптеву.

Тот поддержал товарища стародавней поговоркой:

– Старый конь борозды не испортит!

Но Юрка не унимался:

– Только мелко пашет!

– Зато ровно идёт! – подытожил Степан Степаныч Емельянов.

Чтобы окончательно убедить в своей правоте молодого спорщика, Фрол Миронович вдруг заулыбался, подумав о чём-то приятном:

– Помнишь, как в прошлый заезд, когда мы вымотались до изнеможения, спуская хлысты по раскисшему волоку на нижний склад? Я уже думал, что, вернувшись домой, буду отсыпаться и отдыхать целую неделю. Но, сходя в баньку и поужинав, всё-таки старухе пистон поставил!

Спутники весело захохотали. Трудяга ЗИЛ, поднимая клубы пыли, преодолел перевал Берёзовая грива. На спуске стали видны исполинские разломы Линейского хребта, напоминающие вершины Макчу-Пикчу. Дорога спустилась к берегу Белой Убы, и вскоре показалась Стрижная, где на месте посёлка староверов геологи построили бараки, клуб, столовую и баню для своих работников.

Переехав по деревянному мосту через мелкую в это время года речку, лесорубы покатали по языку, образованному двумя сливавшимися немного ниже реками – Белой и Чёрной Убой. Остановились перед второй, чтобы осмотреть брод возле смытого весной моста. Разминая на крупной гальке и окатанных камнях ноги, лесорубы разбрелись по берегу. Козлов увидел закидывающего удилище знакомого рыбака. Подойдя, поздоровался и заговорил. Следом за ним подтянулись его спутники. Почувствовав себя в центре внимания, ловец хариуса оживился и стал рассказывать, как ловко он подсёк полдюжины крупных красивых рыбин. Потом вынул из паймы рыбку и показал окружающим:

– Вот это чудо я здесь выловил. Похож на окуня, но как он мог заплыть на такую высоту и выжить в ледяной воде?

Юрка взял рыбу, долго на неё смотрел, а потом, незаметно подмигнув товарищам по бригаде, солидно произнёс:

– Насколько я понимаю, это окухар – помесь окуня и хариуса. Советские ихтиологи удачно скрестили два вида, и теперь в горных реках нередко можно встретить этот гибрид.

Санька Крамаров, не моргнув глазом, подтвердил:

– Я недавно в Громатухе такого же поймал, хотел выбросить, но передумал, и правильно – вкусной рыба оказалась.

Остальные согласно закивали головами, мол, чего только не случается в жизни.

Зная репутацию Юрки, рыболов всё ещё сомневался, и только когда седобородый дед Коптев сказал, что и ему приходилось ловить такую же рыбку, вернул её в пайму и подтянув болотные сапоги, пошёл вверх по течению, то и дело закидывая в шиверу мушку с крючком.

Понял он, что его развели, как мальчишку, когда с проезжающего мимо ЗИЛа раздалось:

– Окухар! Ловись, рыбка, большая и маленькая!

Схватив большой, отшлифованный рекой камень, рыболов бросил его в сторону уезжавшего автомобиля, но тот уже был далеко. И только громкий смех, эхом отражающийся от прибрежных скал, поднял в небо стаю верещавших свиристелей.

На юго-западе, в створе ущелья Белой Убы, промелькнули острые вершины Ивановского хребта. Теперь их можно будет увидеть только на обратном пути. Дорога снова приблизилась к берегу и теперь, спускаясь вниз, повторяла почти все изгибы реки, которая теперь называлась просто Убой.

Никита задремал на ровной, без подъёмов, дороге. Разбудили его голоса яро спорящих спутников. Алексей Клиновицкий доказывал недавно принятому в бригаду новичку Ивану:

– Да пойми ты, первыми в этих местах появились старoverы, они не могли назвать эту теснину Сучьей дырой, это название бранное, греховное, тем более всё, что связано с водой, для них святое! Им даже умыться ни в ручье, ни в речке нельзя, набери воду в ковш и смывай свои грехи на землю.

Новичок с удивлением глядел на потомка приверженцев старой религии.

– Настоящее название этого безумного потока – Сушья дыра, так мне ещё дедонька сказывал. Ой сколько тут народу сгинуло!

Никита посмотрел на бурлящий далеко внизу поток. Даже сейчас, когда нет большой воды, его свитые в жгуты струи внушали уважение. С грустью подумал, что километров через пятнадцать он покинет этот весёлый коллектив и потом будет встречаться с ребятами только в городе, для того чтобы поздороваться и сказать пару ничего не значащих слов о здоровье и погоде.

А вокруг царствовала осень. Горы вобрали в свои склоны всю сентябрьскую невообразимую палитру цветов, от которой сладко болела душа.

– Что такое счастье? – подумал он. – Да вот оно, в этих невесомых жёлтых берёзках, малахитовых пихтах, оранжевых осинках, рябинах, прописанных бордовым краплением, в зубчатых скалах Теремка на противоположном берегу реки, во всей этой такой родной до боли природе.

Миром правили подходившие к концу золотые семидесятые годы. Страна почти залечила военные раны. Строились города, осваивался космос, в магазинах свободно продавались сервелат и докторская колбаса. Никита с женой не могли нарадоваться на подрастающую дочь. Он успешно двигался по служебной лестнице на своём предприятии, но все свои достижения, если б была возможность, поменял бы на вот такое близкое общение с горами и тайгой. Потому каждую осень утолял свою страсть, забираясь как можно дальше в таёжные дебри.

В одном из логов показались крыши поселья Назара Сидоровича Армянинова. Неугомонный Юрка Козлов радостно забалагурил:

– Молитесь, люди, сейчас нас дядя Назар медовушкой угостит!

– Не говори гоп, пока не перепрыгнул! Он мужик нравный, может и отказать, – ухмыляясь в усы, урезонил его, качая рыжей с проседью головой, Степан Степаныч.

– Да ну, мы же в прошлый раз помогли ему сено привезти, да и дров на зиму целый лесовоз разгрузили.

Тут, вдали от города и начальства, царили свои законы. Лесорубы снабжали пчеловодов лесом, помогали на покосе и доставке скирд, а пасечники всегда держали для них пару лагунов крепкого медового пива. Так и жили таёжные люди в полной гармонии с природой и друг с другом.

Увидев подъезжающую машину, Назар Сидорович вышел из ворот к гостям. Те с шутками высыпали из кузова. Начались весёлые приветствия давно знакомых людей. Водитель ЗИЛа Николай Шмелёв, следуя какому-то только им известному ритуалу, спросил:

– Ну, как мост моего имени, ещё не размыло?

– Да нет, – ответил пчеловод, подавая ему руку, – ждёт, когда ты ещё раз с него свалишься.

Потом Никита узнал, что «Шмелёв мост» назван так потому, что Николай трижды не вырубил после крутого поворота на его полотно и съезжал в про-

рытую ручьём лощину. История умалчивает, что было этому виной: его невнимательность или ядрёная медовуха пчеловода?

А Назар Сидорович повёл шумную компанию за стол под навесом угощать малосольным хариусом.

– Я вчерась сетёшку из плёса вытащил, как знал, что вы приедете, – его чёрные кавказские глаза светились гостеприимством, – вот и пригодилась рыбка. Старуха-то в город уехала, ребяташки тоже там, в школу им надо. Какой день кукую один. Сейчас я вас ещё кое-чем угощу.

Он ушёл в дом и вскоре вернулся с ведёрным чайником, от которого шёл дурманящий запах. Лесорубы весело загомонили, предвкушая удовольствие от питья божественного напитка, приготовленного на сотах с остатками мёда и перги. Тут же принесли из машины закуску из запасов, приготовленных на заезд.

– Ну ты волшебник, Сидорыч, и рыба у тебя, и выпивка, пожалуйста! Так бы и жил у тебя, да лес валить надобно, – польстил Юрка хозяину.

– Вот это ты правильно делаешь, что про работу не забываешь, а то кто кормить-то тебя будет, гляди, какой здоровенный вымахал!

Пчеловод полез в отдельный шкафчик с мирской посудой. Поставив перед гостями алюминиевые кружки, он наполнил их:

– Ешьте, пейте, а я пойду, место гостю дорогому приготовлю.

Он взглянул на Никиту:

– Пойдёшь в дом или тут останешься? Второй год как на охоту, так ко мне приезжает, – объяснил Назар Сидорович свое знакомство с горожанином и ушёл в избу.

Никите не хотелось расставаться с весёлой компанией. Тем более выпившие по кружке спутники завели интересный разговор о встречах с хозяином этих мест – медведем. Он понимал, что большинство из этих баек откровенная выдумка, но сама тема завораживала и рассказчиков, и слушателей.

Первым, как всегда, начал Юрка Козлов. Его загорелое до красноты лицо с задорно вздёрнутым носом притягивало внимание слушателей. Он чувствовал это, и потому самая обыкновенная его байка звучала, как анекдот в устах Райкина.

– Ходили мы с отцом за малиной, недалеко от города, за Воструху. Мне тогда лет тринадцать было. Я увлёкся сбором ягоды и потерял его из вида. Моё ведро было уже почти полным, когда я увидел невдалеке высокие кусты рясной малины и решил до краёв набрать посуду. Раздвинув колючие кусты, носом к носу столкнулся с медвежьей мордой. Наверное, мой крик был очень уж выразительным, если отец прибежал ко мне через несколько минут. Конечно, испуганного мной косолапого рядом уже не было, но я долго отстирывал своё исподнее в Тарасовом ключе.

Раздавшийся хохот спугнул с оранжевых осин стайку диких голубей.

Рассказ Козлова разбередил ранее скрытые способности к устному творчеству других гостей поселья Армянинова. Одна за другой звучали истории о встречах с всесильным таёжным начальником.

Санька Крамаров поведал о том, как, испугавшись проходившего неподалеку зверя, не помнит, как обезьяной залез на скалу, а потом не знал, как оттуда спуститься на землю.

В общем, разгорячённые медовухой и воспоминаниями лесорубы, кто правдиво, кто явно фантазируя, рассказывали о своих впечатлениях после встреч с медведем.

Но всех удивил пожилой Степан Степаныч, который рассказал историю, в которую так и хотелось поверить:

– Шел я как-то под вечер с охоты на соболишек. Как и положено, ружьё, лыжи камусные; в тот день несколько зверьков снял из капканов и кулёмок. К вечеру стало холодать, градусов под тридцать пять прижало. Ну, ничего, – думаю, – скоро избушка, там отогреюсь у печки. Вокруг пихтач заснеженный, ничего из-за него не видать, и вдруг навстречу выскакивает лось и пролетает передо мной, как паровоз, аж паром обдало, то ли кто его напугал, то ли меня испугался. Всё бы ничего, но он обе лыжины мне сломал, а куда я без них, да ещё в мороз! Снега в тот год навалило метра полтора, попробовал на обломках идти – не получилось, без лыж ещё хуже – то и дело проваливался по пояс. Скажу я вам, тоскливо мне стало в сумерках, а мороз всё прижимает и прижимает! Ну всё, думаю, отбегался мужик! На карачках до избушки не доползу, замёрзну! И вдруг дикая мысль мелькнула у меня в голове. В нескольких метрах от лыжни находилась медвежья берлога. А что если переночевать рядом с косолапым? Другого выхода не было. Я, стараясь не шуметь, отгрёб снег от парящей дыры берлоги и осторожно втиснулся рядом с тёплым телом зверя, и вы не поверите, сразу заснул мёртвым сном. Проснувшись, посмотрел на светящийся циферблат часов. Было около семи. Осторожно выбрался, стараясь не касаться опасного соседа, засыпал снегом следы своего пребывания и с новыми силами отправился к избушке. Сообразив, что под деревьями снега меньше, я к обеду добрался до своего стана, где были запасные лыжи и, главное, печка, с которой ни за что не сравнится тепло берлоги.

Первым оправился от неправдоподобного рассказа Емельянова, конечно, Козлов:

– Ну и сочинитель ты, Степаныч, прямо Жюль Верн!

– Почему же сочинитель, – вступился за товарища дед Коптев, – эх, молодёжь! Не понимаете вы, что в жизни всякое может случиться, даже самое невероятное!

Остудил пыл спорщиков Назар Сидорович, который слышал только окончание повествования Емельянова:

– Знаете, ребята, послушал я вас, как вы с серьёзным зверем взасос целуетесь, и показалось мне, что я живу какой-то неправильной, скучной жизнью: до старости в лесу провел, если не считать двух лет на войне, а с медведем виделся только издалека, да ведь и хорошо это, хозяин – сосед серьёзный, лучше держаться от него подальше. Целее будешь... А не пора ли вам, ребята, на работу? Давайте будите Шмелёва, а то как по темноте-то поедете?

– И то правда, – согласился бывший за старшего в бригаде Алексей Клиновицкий. – Наливай нам, Сидорович, на посошок!

ЗИЛ с бригадой, распевавшей «Едут новосёлы...», скрылся за поворотом дороги, и лишь остатки клубящейся пыли напоминали о весёлых ребятах, только что сидевших за столом.

Дед Назар сходил в сени и принёс небольшой деревянный бочоночек, когда-то расписанный неизвестным мастером. Полуистёршийся рисунок с чёрными, золотыми и красными цветами говорил о том, что изделие когда-то было изготовлено

в знаменитых артелях Палеха. Аккуратно поставив посудину на стол, он принёс вяленого хариуса, отварной картошки, домашнего хлеба и перьев зелёного лука.

– Вот, специально для тебя хранил!

Он наполнил деревянный ковш.

– Это тебе не какая-то медовуха, а настоящий десятилетний мёд. Выдерживают его в омшаннике при нулевой температуре. Такая хитрая штука, выпьешь – голова светлая, а ноги не ходят! – он вставил назад затычку. – В прошлом году, когда познакомились, ты мне сразу приглянулся. Спокойный, рассудительный, мне бы сына такого, но не судьба – одни девки в семье!

На минутку задумавшись о своей судьбе, он налил в стаканы пахнущую мёдом янтарную жидкость:

– Ну, давай выпьем, за встречу, Никита!

– Я слышал, что староверами питье не поощряется?

– Кто тебе такую глупость сказал? Нам водку и самогон не подобает употреблять, а медовушку и травянушку – пожалуйста, в меру, конечно. Да и жизнь так устроена, что всякий невеликий грех можно отмолить.

Выпив, он о чём-то задумался, а потом довольно разулыбался:

– Давеча я над мужиками зубоскалил, как они про медведей-то рассказывали. Так вот, нынче летом у нас такой случай произошёл. Поставила моя старуха пиво на сенокос, чтобы помочь устроить, как время подойдёт. Договорился я с мужиками, когда да как. Пиво хорошее удалось, я попробовал, выпил ковшичек и захмелел. Ну, думаю, довольны помощнички останутся. А чтобы уж совсем хорошо было, погрузили лагун на ночь в холодный ручей. Утром заседлал я Серка и поехал в Ермолаевку, чтобы ещё одного косаря позвать. А Фёкла Ивановна моя, проснувшись, решила посмотреть, на месте ли лагун. К старости-то она слабо видеть стала. Пришла, видит: старик её, завернувшись в доху, спит на берегу ручья. В сердцах она изо всех сил ударила старика костылём, но тот даже не шелохнулся. Плюнула и ворча ушла домой. Потом пошла к стойлу, жеребца на месте не было, седла тоже. И тут она поняла, что у ручья был не я, а выпивший лагун с пивом медведь. Когда мы с помощником приехали и услышали рассказ хозяйки, медведя уже и след простыл. Лишь в ручье валялась пустая посуда с неаккуратно вырванной верхней крышкой.

– Как же вы выкрутились из этого положения? Чем угощали работников? – спросил Никита.

– Запас великое дело! Ты что думаешь, у нас одна лагушка была?

Долго сидели двое мужчин, разговаривая и выпивая.

– Ты знаешь, чего я больше всего боялся на фронте? Ни раны, ни смерти. Страшно было, что никогда не увижу родные горы и не напьюсь воды из матушки Убы. Но, Слава Господи! Дошли до него молитвы отца и матери, вернулся я на родной Алтай. Женился, нарожал детей, теперь уже и внуки пошли... Тебе завтра рано вставать, посидим ещё, или спать ложиться будем?

Назар Сидорович принёс керосиновый фонарь и повесил его над столом. Откуда-то прибежал набегавшийся по лесу пес Жулик. Он положил голову на колени хозяина и начал что-то ему рассказывать на своём собачьем языке. Его повизгивание и рычание походило иногда на жалобу, иногда на восторженное выражение радости. Хозяин поглаживал его по загривку, с улыбкой слушал исповедь лайки и продолжал разговор с Никитой:

– Иногда мне кажется, что я знаю, о чём рассказывает мой четвероногий друг, да это и не удивительно, мы понимаем друг друга без слов. Я только подумаю, а Жулик уже исполняет. Сказывается, видать, многолетнее тесное общение.

Внезапно в темноте раздались истошные крики ворон. Из пихтача, чьи конусообразные вершины были еле заметны на закатном небе, слышались звуки настоящей войны. Увидев вопросительный взгляд гостя, Назар утолил его любопытство:

– Это филин устроил ночную охоту на ненавистных птиц-падальщиков. Извечная вражда сов и ворон. Говорят, что в стародавние времена, когда филин был царём птиц, вороны украли у него символ власти – золотое перо и отдали его орлу, который с тех пор считается верховным правителем всей летающей братии. Бывший царь обиделся и со своей свитой из сов, сычей, сипух, неясытей и сплюшек решил перейти на ночной образ жизни, хотя иногда их можно увидеть и днём. Недавно я наблюдал, как вороны чуть не заклевали сову, которая еле спаслась в густых зарослях колючей акации.

Увидев, что Никита уже клюёт носом, хозяин взял его под руку и повёл в дом.

– Голова ясная, а ноги не шагают, – удивился гость.

– Вот это и есть настоящий мёд. Зато завтра встанешь, как огурчик!

Ночь промелькнула одним мгновением, стоило только прикоснуться к подушке. На следующее утро охотник поднялся затемно и стал собираться на охоту. Котелок, продукты, ружьё – вот и всё, что нужно было бывалому таёжнику. Из соседней комнаты пришёл Назар Сидорович.

– Ну как, голова не болит?

– Спасибо, вы были правы, будто бы и не пил совсем.

– Будешь подниматься, держи направление к утёсу, что на гребне Теремка, под скалами богатые черничники, и птица сейчас кормится там. Рябчики, куропатки, тетерева и глухари отъедаются перед долгой зимой. Сам Михаил Потапович любит полакомиться целебной ягодой. Но будем надеяться, что сейчас он набирает жир в кедрачах, нынче на орехи урожай. Давай, с Богом!

По бурой осенней траве Никита дошёл до Убы, переправился на другой берег в люльке, ходившей по натянутому между двумя лиственницами канату, и направился к чётко вырисовывающейся на фоне утреннего неба горе.

Где по тропе, где по россыпям, щедро усеянным разноцветными листьями, он поднимался вверх, иногда склоняясь к ручьям, чтобы глотнуть студёной хрустальной воды. Приустав, охотник сел на землю, прислонившись к источавшему запах живицы, иссиня серому стволу пихты. Чтобы не терять время даром, достал манок и тонко засвистел, подражая рябчику. Вскоре раздался ответный свист, и глупая курочка села на сук берёзы, росшей напротив. Прогремел выстрел.

– Ну, вот и ужин нам с Сидоровичем обеспечен, – подумал стрелок, укладывая добычу в рюкзак.

Солнце уже осветило вершину Теремка, когда Никита добрался до первой черничной поляны. В порыжевших от первых заморозков листьях невысоких кустов никого не было видно. Но это только на первый взгляд, гигантский гранитный гребень отбрасывал тень на наклонное поле ягодника, утыканное то здесь, то там чахлыми деревцами ольхи, ели и до поры скрывал пернатых, ждавших полного восхода светила. Первыми проявили себя куропатки, большой стаей пролетевшие к куртинке карликовых берёзок. Птицы только начинали линять,

и издалека их можно было спутать с рябчиками. Ждали своего часа сидевшие на ветвях деревьев косачи. Перебегали с места на место копалухи.

Но эти для кого-то желанные трофеи не интересовали охотника. Мечтой его был семикилограммовый матёрый глухарь. Как убедил его знакомый, широко известный в узких кругах орнитолог-самоучка Флор Фазанов, это самая древняя птица на земле. И то, что говорят о ней как о современнице мамонтов, не совсем верно. Скорее всего, её предком был летающий ящер птерозавр, живший в мезозойскую эру, который за миллионы лет путём множества мутаций превратился в красnobрового красавца.

Наконец птица его мечты шумно слетела с лиственницы, где лакомилась рыжими подвяленными иголками. Издалека было видно, что это экземпляр, добычей которого можно будет, без сомнения, гордиться.

– Вот теперь и повоюем, – подумал Никита, вставляя в стволы патроны с крупной дробью. Он знал, как нелегко будет взять птицу, за спиной которой стоял опыт выживания тысяч поколений её предков.

Отметив в сознании место, где приземлился глухарь, стрелок скрытно двинулся туда по кромке черничника, стараясь быть незаметным. Бывалые таёжники рассказывали, что потомок доисторических птиц обладает уникальными способностями. На глазах преследователя он может превратиться в пень, какую-то корягу или кочку, и разглядеть его бывает невозможно. Охотник всегда смеялся над такими байками. Но на этот раз ему пришлось поверить в их реальность. Некоторое время пернатый гипнотизёр скрывался в ягодниках: кажется, вот он за тем кустом, ещё несколько шагов – и можно будет стрелять, но там оказывается почерневший пень, а за спиной вдруг раздаётся шум тяжёлых крыльев, и долгожданная добыча становится недосягаемой. Ещё одна ошибка, и осторожная птица улетит далеко-далеко и не вернётся на это место. Придётся начинать всё сначала. Никита не знал, какое расстояние ему пришлось осторожно прошагать рядом с ягодником, чтобы обнаружить следующего глухаря. Было время, когда отчаянье, казалось, заставит его прекратить поиски, но вновь он устремлялся к почудившейся в кустах большой чёрной птице, на деле оказавшейся поросшим мохом камнем.

Скоро уже и тетерева покинут свои лёжки – эти лежебоки позднее других птиц выходят на кормёжку. Значит, нужно поторопиться, глухарь вернётся на черничник только вечером, а это не входило в планы стрелка.

Наконец охотничий бог сжалился над преследователем, а может быть, воля и упорство охотника сделали своё дело. Солнце уже подходило к зениту, когда хлёткий выстрел настиг глухаря, и он распластался на ржавых листьях черники. Подойдя к добыче, стрелок убедился, что экземпляр был редким. С восторгом оглядев крупного самца, он, как всегда, почувствовал где-то под сердцем жалость к убитому существу. Но, подавив ненужное чувство, аккуратно положил добычу в рюкзак.

Его душу переполняло торжество от охотничьей удачи, а взглянув на окружающий мир, он почувствовал, что его восторг многократно увеличился от осенней красоты. С восторгом глядя на бесконечное многоцветное пространство горных пейзажей, Никита ощутил себя самым счастливым человеком во вселенной. Внизу блестела серебряной лентой Уба, то разделяясь на несколько протоков, то опять сливаясь в одно русло. За ней высился ещё один Теремок – третий, а рядом за речкой Банной – второй.

Не хотелось ему расставаться с величественной красотой, но солнце уже склонялось к закату. Удачливый добытчик спустился к ручью, что вытекал из-под камней курума. Развёл костёр, вскипятил в котелке чай с баданом, красным корнем и душицей. Плотно закусив прихваченными из дома продуктами, прилёг на коричневые стебли аконитов.

– Вздремнуть бы, – подумал Никита, но что-то неизвестное не давало ему расслабиться. Встав, внимательно осмотрел близлежащие кусты и деревья, однако ничего подозрительного не заметил. Снова опустил на примятые дудки, и опять, будто чей-то сверлящий взгляд, проникая под кожу, не давал охотнику успокоиться. словно подчиняясь невидимому соглядатаю, он, надев рюкзак и ружьё, стал торопливо спускаться подалее от пугающего места. Метрах в двухстах от стоянки чуть не наступил в свежий помёт медведя. Это событие заставило Никиту зашагать быстрее, и, благо, тропа спускалась вниз, через час он подошёл к переправе, по дороге подстрелив ещё одного рябчика.

Возле поселения, на поставе, он увидел Назара Сидоровича, колдовавшего над очередным ульем, в котором проверял наличие мёда и перги в сотах. Скоро убирать семьи на зимовку в омшанник, и пчеловод должен быть уверен, что его подопечные весной будут здоровыми и работоспособными.

Увидев Никиту, поставил рамку на своё место и закрыл положком мирно гудящую пчелосемью:

– Рассказывай, как поохотился.

– Пойдём, покажу! – сказал тот и повёл его к навесу. Выложил глухаря на полтораметровый стол и сам залюбовался птицей.

– Вот такого же красавца я добыл осенью сорок седьмого, когда пришёл домой после госпиталя, – глаза Назара затуманились от воспоминаний. – Два года провоявал – ни царапинки, а на Дальнем Востоке в первом бою тяжёлое ранение. Хэйлунцзян – никогда не забуду название этого корейского городка. Полгода провалялся в госпитале, потом домой. Матушка Уба да Алтайские горы помогли мне встать на ноги. А глухарь украсил стол на нашей с Фетиньей свадьбе, она всю войну дождалась меня в убинском селе Ермолаевке. Эх, молодость, молодость, как же ты быстро проходишь!

– Я пару рябчиков подстрелил, надо будет лапшу на ужин сварить. – Никита достал из рюкзака небольших серых курочек.

– Это ты правильно сделал! – улыбаясь, проговорил хозяин. – У этих птиц мясо самое нежное среди других пернатых и варится быстро, но ты лучше поведай, как умудрился раздобыть такого красавца?

– Конечно, глухарь помучил меня достаточно, думал уже, что вернусь сюда без добычи, но, в конце концов, он совершил ошибку, и вот вам драгоценный трофей!

Охотник задумался:

– Меня другое волнует.

И он рассказал о пронизывающем взгляде неизвестного существа, который заставил его спешно покинуть место послеобеденного отдыха.

– Зря ты испугался – это Михаил Потапович издали наблюдал за тобой. А как ты хотел? Хозяин тайги должен знать, что происходит в его владениях. Не ты первый, не ты последний, кто в ужасе убежал из тайги, почувствовав взгляд зверя.

– Ну, спасибо, Назар Сидорович, а то я уж подумал, что у меня с головой не в порядке, – Никита облегчённо вздохнул и, взяв рябчиков, понёс их ощипывать к ручью.

Закатное солнце осветило вершину Теремка. Вскоре лапша с дичью была готова. В сумерках зажгли фонарь, пчеловод принёс заветный расписной бочонок с медовушкой, и буржуйский ужин с рябчиками, солёной колбой, малосольным хариусом, которого он называл князь-рыбой, продолжался допоздна.

Немного выпив, хозяин пожаловался, что неподалеку геологи обнаружили большое месторождение полиметаллических руд, По горе, похожей на молоток для трамбовки русских печей, назвали рудник «Чекмарь».

– Боюсь, загадят нашу кормилицу Убу! Хотя и говорят, что поставят очистные сооружения, но рудник есть рудник. За всем не уследишь: там сточные воды, там мазут, там горючее попадёт в кристальную воду, и всё, потравят талменя и харюза! Далеко ходить не надо, взять реку Ульбу – сколько там рыбы было ещё до войны, да и после, помню, угощали, когда к родне в Бутаково ездил, а где она теперь? Множатся рудники, фабрики, заводы, растёт город, только природе от этого всё тяжелее. Сравни здешнюю кристальную воду и мутную ульбинскую, вобравшую в себя все отходы человеческой жизнедеятельности. А ведь сколько очистных сооружений понастроено!

– Ничего, сейчас наука далеко ушла, оградят нашу речку от промышленных отходов, – успокаивал таёжного жителя Никита, хотя и сам не верил в истинность своих слов. По своему опыту он знал: сколько ни разделяй природу и производство, а придёт наводнение или землетрясение, и все твои потуги окажутся напрасными, как корова языком слизнёт все твои благие намерения. И будет так, как нужно тому, кто создал этот далёкий от совершенства мир.

– Завтра утром с Коровихи пойдут лесовозы. Ты как, поедешь или ещё погостишь? – спросил Назар Сидорович гостя.

– Поеду. Скоро отпуск кончается, кое-какие дела нужно в доме завершить.

Хозяин насмешливо посмотрел на Никиту:

– Какие у вас в городе могут быть дела?

Он всегда считал, что настоящая жизнь происходит только здесь, под тремя Теремками, на берегах Убы, тихой и неглубокой летом и буйной, смывающей все преграды весной.

– Ладно, пойдём спать, а то тебе завтра в дорогу.

На рассвете он спросил поднявшегося гостя:

– Тебе молока или что покрепче?

– Конечно, молока, медовуху, как говорят в кино, с утра пьют аристократы или дегенераты.

– Я не помню, когда кино смотрел.

– Приезжай, вместе сходим. Скоро «Калину красную» Шукшина будут показывать, такого фильма ты ещё не видел. Говорят, наилучший, что сняли за последнее время.

Позавтракав, они пошли вверх по косогору к лесовозной дороге. Вскоре показался гружёный МАЗ. Он тяжело двигался по накатанному каменистому пути. Увидев путников, водитель остановился рядом с ними и, поздоровавшись, спросил:

– Вам до города?

– Да я-то остаюсь, а моего гостя, Василий, доставь в целости и сохранности. Может, заедешь, пивком угошу?

– Как-нибудь в другой раз, сегодня день рождения у брата, в ресторан вечером пойдём.

– Хозяин – барин! – Назар Сидорович повернулся к Никите. – Ты не забывай старика, я, ты ведь знаешь, всегда рад твоему приезду.

– Теперь только весной, когда глухари токовать начнут, раньше никак не выберусь.

Охотник почувствовал, как тёплое чувство рождается у него в груди к этому человеку. Удивительно, виделись-то всего несколько раз, а такое ощущение, что знает лесного жителя с самого рождения. Он подал ему руку, опасаясь, что тот заметит подступившие к его глазам слёзы.

Трудяга лесовоз медленно отъехал от махавшего рукой пчеловода и зашелестел ребристыми покрышками колёс, удаляясь от ставшего за короткое время родным поселья. Шофер Василий, широколобый, чернявый мужик с голубыми глазами, оказался разговорчивым человеком, и Никита за короткое время узнал о нём всё что можно, и многое из того, что, на его взгляд, можно было бы утаить.

Машина двигалась небыстро, но всё-таки расстояние до города неумолимо сокращалось. Проплыла внизу теснина Сущей дыры, Ермолаевка, дома артели «8 Марта», которая во время войны снабжала телегами и санями полиметаллический комбинат, и даже, говорят, некоторым здешним изделиям удалось попасть на фронт. Пыльная трасса вилась по берегу, сопровождая реку. Когда переезжали через Чёрную Убу, Никита с улыбкой вспомнил рыбака, что простодушно поверил в байку лесорубов о гибриде окуня и хариуса.

По низкому мосту водитель провёл МАЗ на другую сторону Белой Убы и стал подниматься в гору. Пологая сначала дорога вскоре всё круче и круче стала забирать вверх. Этот перевал назывался Берёзовая грива, и, действительно, гребень и отроги хребта щедро покрывали могучие белоствольные деревья. Это было одно из любимейших мест городских грибников. Какие только грибы не росли здесь – пальцев на руках и ногах не хватит, если начнёшь перечислять. А главное, тут было море груздей, без которых на Алтае праздничный стол не считается таковым.

Остановив возле перевала лесовоз, Василий спросил:

– Хочешь, я покажу тебе самый лучший вид Ивановского хребта? Только здесь можно ощутить всю мощь и красоту наших гор.

Они зашагали по жухлой осенней траве среди берёз с жёлтыми полуосыпавшимися листьями. Преодолев небольшой подъём, вышли на чистый взлобок, с которого открывалась панорама самого высокого хребта Западного Алтая. Вид был, конечно, потрясающим! Пики скалистых гор были припорошены первым снежком, внизу белизна контрастно сменялась хромом пихт и елей, а ещё ниже – охрой лиственных деревьев и кустарников. Посередине каменных нагромождений колоссом возвышалась вершина Вышеивановского Белка, которая на четверть превосходила остальные двухтысячники.

– А знаешь ли ты, Василий, что наш гигант почти вровень с божественным греческим Олимпом?

– К стыду своему, я впервые слышу об этом. Ты это не выдумал?

– На каких-то сто метров опередила Элладская гора нашу, и я вначале расстраивался из-за этого, но вспомнив о высоте Белухи, успокоился – на Балканах нет ни одной вершины, которая сравнится с ней.

– Как ты думаешь, – задумчиво проговорил водитель лесовоза, – а на Вышеивановском тоже живут боги?

– Конечно, – улыбнулся Никита, – вспомни, нас с рождения до старости влекут непокорённые вершины, мы всю жизнь взбираемся на неприступные пики падаем, калечимся, но снова и снова карабкаемся вверх по неустойчивым уступам. Что это, если не зов богов? Древние греки молодцы, они дали имена своим богам, и те ожили. Надо и нам пораскинуть мозгами, тогда и у нас будут свои Зевсы, Афродиты и Аполлоны. Назовём мы их по-своему, но только представь: ты взбираешься из последних сил со скалы на скалу, и вдруг рядом приземляется крылатая лошадка и подставляет тебе спину. Ты садишься на неё, и алтайский Пегас несёт тебя, счастливого, над бескрайним миром.

– Хорошо тебя слушать, я уж было поверил в твои фантазии, – проворчал Василий, – но работа не ждёт, никакой небожитель за меня её не сделает.

Они с сожалением ещё раз глянули на спящие серебром горы.

Обитель богов – вспомнил Никита название самой высокой горы древнего мира, которая так похожа на наши белки. Не хотелось уходить с этого зачарованного места, но водителя ждал суровый начальник нижнего склада леспромхоза, куда он вёз многометровые хлысты пихт и елей с берегов речки Коровихи. Охотник же с нетерпением ждал встречи с женой и дочкой, которым он, вернувшись домой, в город Лениногорск, расскажет о старовере Назаре Сидоровиче, умном глухаре, враждующих филине и воронах и, конечно, о богах, которым нужно придумать имена, чтобы они открылись людям.

ЧЁРНЫЙ УЗЕЛ

Случилось это на стыке семидесятых и восьмидесятых годов прошлого века в славном городе Лениногорске. Это сейчас он стал Риддером и, может быть, навсегда, но так далеко заглядывать не буду. Некрупный населённый пункт на семьдесят тысяч населения, в основном русскоязычного, со стандартными пятиэтажками, дворцом культуры, стадионом, парками да одноэтажными пригородами. Он стоит у подножья величественного Ивановского хребта с его снежниками, заоблачными пиками, и природа, а не архитектурные изыски стали основной его достопримечательностью. Два завода – свинцовый и цинковый постоянно подбрасывали жителям газку, чтобы не скучали. Недра под городом были изрыты рудниками полиметаллического комбината, которые ни на минуту не прекращали выдачу на гора свинцово-цинковой руды с богатыми добавками золота и серебра – основы материального благополучия населения города и страны. Но для меня и многих, кто здесь родился, нет прекраснее места на земле.

Чета пенсионеров Черняевых собиралась в белки. Анна и Максим решили съездить в тайгу, где сейчас в изобилии спела малина. Бывшие работники свинцового завода, они пошли на заслуженный отдых – жена в сорок пять, муж в пятьдесят. Жена была симпатичной белокурой женщиной с точёной, несмотря на возраст, фигуркой. Супруг с обыкновенным русским лицом, каштановыми с проседью

волосами и серыми глазами, спокойно взирающими на непредсказуемый мир. Казалось, его не выбьет из колеи даже землетрясение.

В общем-то ещё не старые люди, они постоянно выезжали то на рыбалку, то за грибами, то за ягодами, ведя, как и положено людям их возраста, активный образ жизни. Надёжный друг «москвич» куда только не увозил непоседливых супругов, и везде им сопутствовала удача.

Вот и сегодня они по совету соседа ехали в сторону Линейского Белка, где на бывших вырубках уродилась нынче рясная малина. Анна любила эти поездки и через открытое окно любовалась исполинскими горами, проплывавшими рядом, протяни только руку.

Максим никогда не бывал именно в этих местах, лишь однажды проезжал мимо, когда бил на Холзуне шишки, но веря в свою звезду, он свернул на еле заметный след автомобиля. Тут, наверное, был когда-то волок, по которому свозили на верхний склад хлысты ели и пихты. Сейчас он зарос травой и был изрыт дождевыми потоками. Через двадцать минут выехали на позапрошлогодную лесосеку, Максим заглушил мотор, достал посуду, и супруги направились к зарослям двухметрового малинника. Вскоре они, обмениваясь редкими фразами, стали собирать действительно крупную ягоду. Желание найти ещё более удачное место, а проще – жадность, что живёт в каждом из нас, заставило Анну поближе ознакомиться с близлежащими зарослями.

– Макся, я пойду дальше, может быть, там ягода крупнее этой.

Муж, зная, что в такие минуты лучше ей не перечить, ответил:

– Только чаще покрикивай! Вдруг медведь!

Но платок жены уже белел вдали возле куртинки высоких стеблей с двцветными листьями. Увлечшись сбором лесных даров, он не заметил, как стрелка часов подошла к цифре три. Полиэтиленовая канистра с наплечными ремнями, изделие местного ремонтно-механического завода, была полна до крышки. Закрутив её, он пошёл к машине, изредка аукая Анне. Никто не отвечал.

– Наверное, спит в машине, – подумал он, но открыв дверцу, увидел, что салон был пуст. И вот тут тревога по-настоящему охватила его.

Крича изо всей мочи, он бегал среди колючих кустов, в кровь обдирая руки, но в ответ, кроме хриплого вороньего карканья, не было слышно ни звука.

До темноты, пока голос не пропал, Максим звал жену, осматривал попадавшиеся тропинки, но Анна исчезла.

Только теперь он понял, как она ему дорога. Упав на капот, он почти беззвучно выли от безысходности. Но нужно было что-то делать, и сев за руль, потерявший жену мужчина поехал по лесовозной дороге в город. Прожили они с ней почти тридцать лет, вырастили дочку и сына, сейчас помогают воспитывать внуков. И вот те на, как всё повернулось!

– Нет, надо верить, сейчас приеду в городскую милицию: там профессионалы, они-то должны помочь.

В отделе его встретил сонный дежурный, равнодушно выслушал, дал бумагу и ручку:

– Пишите всё, как было, не упускайте никакой мелочи.

Удручённый муж описал всё, что с ним случилось, поставил подпись и отдал лист милиционеру.

Тот взял объяснение, отослав потерпевшего домой:

– Идите пока поспите, а утром сюда. Знаю, вам не терпится продолжить поиски, но сейчас в темноте мы никого не найдём, работу нужно начинать на свежую голову.

Анна очнулась с мешком на голове и связанными руками. Кто-то нёс её на плече неизвестно куда. Она закричала, но крик её скорее походил на блеяние молодого ягнёнка.

Кто-то поставил её на ноги и сказал:

– Сколько не кричи, здесь тебя никто не услышит. А будешь вести себя спокойно, я тебя развяжу.

Женщина согласилась:

– Буду.

Неизвестный снял с её головы мешок:

– Только пообещай, что не будешь царапаться и убегать, силу моего удара ты уже почувствовала.

Анна молча кивнула. Чернобородый мужчина развязал ей руки и указал на валявшееся рядом бревно:

– Садись, говорить будем.

– Зачем я тебе?

– Вот об этом я и хочу с тобой поговорить. У меня уже два года не было женщины. То тюрьма, то побег, как-то недосуг было, а тут ты, как подарок судьбы. Помнишь частушку: «Не ходите, девки, в лес, Комары кусаются...»? Так вот я и есть тот самый комар. Будешь хорошо себя вести, всё будет хорошо, нет – тайга большая... «И никто-то не узнает, где могила моя...», – пропел незнакомец мерзким голосом

Представив себе своё будущее наложницы уголовного, Анна словно обезумела. Не разбирая дороги, она бросилась в столетний пихтач, надеясь, что лес укроет и спасёт её от разбойника. Но напрасны были надежды женщины – бородатый мужчина вскоре догнал и жестоко овладел ею.

Очнулась она в бревенчатой избушке с маленьким, еле пропускавшим свет окошком. Внутри никого не было. Она попробовала открыть дверь, но та не поддавалась. Она легла на топчан и забылась в тревожном сне.

Проснулась она от пристального взгляда чёрных глаз насильника.

– А ты красивая!

Анне был неприятен этот комплимент, и, глотая слёзы, женщина отвернулась к стенке. Она знала, и ей даже нравилось, когда мужчины, несмотря на возраст, провожают её взглядами, но здесь её положение не соответствовало амурному настроению нежеланного спутника.

– Меня Николай зовут. Ты не думай, что я какой-то изверг, просто судьба так распорядилась. Ты никогда не думала, почему одни люди живут припеваючи на воле, а другие погибают от туберкулёза за решёткой? И что честнейшие из честнейших десятилетиями ждут освобождения за несовершенные преступления?

– А ты нигде не читал, что каждый человек – хозяин своей судьбы?

Женщина подумала, что Николай сейчас будет жаловаться на несчастную жизнь, но услышала на много раз передуманную, со всех сторон под лупой рассмотренную историю. Конечно, у каждого зэка есть с десятков подобных душераздирающих рассказов, но почему-то именно этому она поверила безоговорочно.

Где-то в Алтайском крае, в совхозе-миллионере, возглавляемом директором-орденоносцем, случилось происшествие, сломавшее жизнь Николаю. Он со школы на свою беду дружил с сыном этого знаменитого овощевода. Были не разлей вода, куда один, туда и другой. И вот однажды в День урожая они сбили ученика местной школы, который в этот же день умер в больнице. За рулём был сын директора совхоза, но начальник райотдела милиции, его родственник, повернул дело так, что виноватым оказался Николай. Друг приходил к Николаю в следственный изолятор, говорил, что сидеть долго не придётся, отец сделает так, что он попадёт под амнистию, и новоиспечённый зэк загремел на нары. И с тех пор от друга ни ответа, ни привета.

История Николая, не сразу, но растопила лёд в чувствительной душе женщины, и впервые она посмотрела на беглеца с сочувствием. Она заметила, что он молод и симпатичен, а глаза его смотрят на неё ласково.

Всего год выдержал в неволе свободолюбивый крестьянский парень. На его счастье или на беду в напарники к нему на лесоповале попался неразговорчивый старообрядец из Убинской деревни Стрежной Самойла Немцев. Ему-то и доверил Николай свои мысли о побеге. Работали они тогда на лесоповале в горном Алтае рядом с границей с Казахской ССР.

– Ты знаешь, я бы тоже сбёг с тобой, но мне осталось сидеть несколько месяцев, так что овчинка выделки не стоит. А тебе я нарисую план и помогу скрыться отсюда. Твои шесть лет очень долгими здесь покажутся. Сто пятьдесят – двести километров для нас не расстояние. Главное, чтобы случилось всё так, как мы задумали. Продержись до моего освобождения, а там кержаки нам помогут. Даст Бог, и документы сделаем.

Самойла нарисовал на листке бумаги подробный маршрут движения беглеца от деляны, где они валили лес, до Ивановского хребта в Восточном Казахстане. Заготовили целый мешок сухарей, котелок, кружку, ложку и хороший нож, всё это спрятали на лесной деляне и стали ждать подходящего для побега случая.

И вот Николай лежит, укрытый ветками, на хлыстах следующего на нижний склад гружёного МАЗа. Самойла трижды перекрестил отъезжающую машину, и та скрылась за редкими куртинами оставшихся несрубленными деревьев.

Километра через три беглец осторожно съехал на тонкие концы хлыстов и, упав на дорогу, затаился в глубокой колее. Подождав, пока лесовоз не скрылся вдали, Николай забрался на ближайшую вершину, чтобы определить своё местонахождение. Вдали сверкали снежники Коксуйского хребта. Он вспомнил слова старовера:

– Когда взойдёшь на Коксу, постарайся на восходе увидеть на юго-западе самую высокую вершину – это Вышеивановский Белок. Слева от него есть кряж пониже, под названием Чёрный узел. Чаще сверяйся с чертежом, а когда подойдёшь поближе, не выпускай его из рук. Там-то ты не должен заблудиться. Наши предки, когда искали Беловодье, до Тибета доходили и возвращались, правда, не все.

Дней через девять Николай обнаружил спрятанную в густом пихтаче на склоне Чёрного узла охотничью избушку. Найти её без чертежа Самойлы было бы невозможно.

...В городском отделе внутренних дел было неспокойно. Не часто даже в самых глухих таёжных углах пропадают люди, а тем более женщины. Начальник ГОВД поставил сотрудникам задачу, и милицейская машина заработала.

Максим вместе с участковым из села Поперечного Юрием Семёновичем и егерем Евгением поехали на место происшествия. Проверили все тропинки, волоки, лесовозные дороги, побывали на близлежащих пасеках – никаких результатов. Версии, что Анну заломал медведь, как-то не возникало, зверю в том году хватало подножного корма: малины, смородины и черники, да и кедровый орех нынче обещал быть богатым.

Решили, что участковый переговорит со всеми лесниками, охотниками и пчеловодами, чтобы проверили самые глухие углы, а вдруг что-то и обнаружится. Но шли дни и недели, а результатов поисков не было видно. На третью неделю один из пасечников сообщил, что у него пропадают продукты, понемногу, но постоянно. Участковый решил сосредоточить поиски на этом районе, хотя это было то же самое, что искать иголку в стоге сена.

Максим попросил, чтобы для поисков выделили вертолёт. Целый день он просидел возле иллюминатора гудящей и трясущейся машины, но никого, кроме редких маралов и медведей, не заметил. Вернувшись в город, он спросил у начальника милиции:

– Может быть, справить поминальный обед по русскому обычаю? Надежды-то никакой уже не остаётся.

– Пока не найдём тела, я вам делать этого не советую, – ответил пожилой усталый подполковник. – Времени прошло совсем немного, а в жизни случаются всякие неожиданности, поэтому верьте до последнего момента, что она жива.

А в охотничьей избушке начинался настоящий роман. Анна, полмесяца верившая, что вскоре её найдут и освободят, вдруг после очередной близости поняла, что всё, что с ней случилось, начинает ей нравиться. И однажды она отдалась молодому мужчине со всей силой страсти стареющей женщины.

– Ну, ты как с цепи сорвалась, – удивлённо сказал ей Николай, лаская её влажное тело.

– А будь что будет! Добром это ни для меня, ни для тебя не кончится, так пусть оставшиеся дни будут нашими, – и снова два тела слились в объятьях.

Конечно, Анна не забыла ни детей, ни мужа, но какая-то неведомая сила вновь и вновь толкала её в объятия молодого мужчины. С тех пор жизнь женщины превратилась в череду счастливых мгновений и следующих за ними часов тоски, раскаяния и ожидания скорой кары за грех, неожиданно совершённый ею.

Каждое утро, покушав, что бог послал, Анна уходила собирать малину, смородину или чернику, которые в изобилии водились на окрестных увалах, чтобы потом сушить их на листьях лопуха. А Николай шёл проверять силки и ловушки, в которые иногда попадались рябчики или зайцы, а изредка и глухари.

Он заочно благодарил Самойлу за охотничью науку, которую тот преподавал товарищу в неволе. Иногда беглец проверял лабазы ближних пасек и брал там понемногу, чтобы было незаметно, муки, крупы и других припасов.

Подходил к концу месяц со дня пропажи женщины на склонах Чёрного узла. Казалось, что очередное нераскрытое дело начальнику ГОВД было обеспечено. Но однажды в отдел явился участковый из села Поперечное и попросил помощи в поимке опасного преступника. Оказывается, егерь Евгений со вчерашнего дня выслеживает в одном из ущелий белка мужчину, удерживающего потерянную женщину.

И вот милицейский газик везёт наряд в сторону Линейского Белка. На подъезде к месту исчезновения Анны их встретил егерь Евгений и, предупредив, чтобы не шумели, повёл небольшой отряд вверх по одному из распадков. Около часа они пробирались по бурелому, то и дело переправляясь через бурные потоки начинавшихся здесь речек, которые потом впадали в Белую Убу. День выдался жаркий, звенела мошкара, собираясь в овальные, висящие возле деревьев серо-голубые невесомые скопления, похожие на воздушные шары, кусались вездесущие комары.

Наконец егерь поднял руку и жестами показал, как окружать преступника и его жертву. Теперь наступила очередь участкового. Лейтенант вышел из-за дерева и увидел, как женщина кормит уголовника ягодой, поднеся гроздь красной смородины к его рту.

– Внимание! Вы окружены! Сопротивление бесполезно! – прокричал он.

Но никто и не думал сопротивляться. Беглец, как сидел, так и остался сидеть, лишь поднял руки, увидев трёх милиционеров, наставивших на него дула чёрных пистолетов. Женщина же упала на землю и безутешно рыдала, срывая пальцами комки сырого, холодного мха. Милиционеры надели на запястья Николая наручники, и вскоре он в их сопровождении возглавил невесёлую процессию, завершала которую почерневшая, заплаканная Анна.

На дороге их встречали милицейский газик и голубой москвич измученного месячной неопределённостью, уже не надеявшегося на счастливый исход дела Максима. Он подхватил под руку жену и посадил на заднее сиденье автомобиля. Она коротко сказала ему:

– Ни о чём меня не спрашивай, придёт время, сама тебе всё расскажу.

На следующий день, когда Анна с мужем пришли в милицию, подполковник предложил женщине:

– Вам нужно написать заявление.

На что она ответила:

– Никакого заявления я писать не буду, он мне ничего плохого не сделал.

– Ну что ж, это ваше право.

Начальник милиции по опыту знал, что если и будет жалоба, то через некоторое время, когда женщина успокоится, но вернее всего, она не захочет ворошить былое.

Помолчав, он продолжил:

– А нам, наконец, пришло уведомление из Алтайского края о побеге Николая Антоновича Шматова из мест заключения. Скоро мы этапирруем его по месту отбытия наказания.

– А можно мне его проводить? – спросила Анна.

Много повидавший на своём веку милиционер с удивлением посмотрел на неё:

– Я вам сообщу время отправки заключённого, – и попрощался.

Выйдя из ГОВД, они пошли домой, благо жили всего в двух кварталах.

– Зачем тебе это? – Максим непонимающе глянул на жену.

А та с тоской, посмотрев на него, ответила:

– Я же тебе говорила, придёт время, всё расскажу.

Тот не стал возражать, поскольку во всём случившемся была доля и его вины, не смог уберечь от беды самого близкого человека.

Когда позвонил подполковник, она, не сказав мужу ни слова, собрала в сумку передачу и пошла в следственный изолятор. Николай перед погрузкой в «автозак» повернулся к ней и, ласково улыбнувшись, крикнул:

– Я буду тебя помнить!

Давно уехала машина с арестантами, а женщина всё смотрела ей вслед и думала о том, как щедра на горечь и радость наша судьба, связавшая воедино жизни её, мужа и какого-то уголовника, на самом деле оказавшегося обыкновенным запутавшимся парнем. Не зря, наверное, назвали предки этот кряж, где они встретились, Чёрным узлом, а зародившись здесь, расходятся по всему Западному Алтаю все самые значительные горные хребты.

...Эту историю рассказал мне отставной полковник полиции. Он попросил не называть его имени, так как кое-что из-за давности лет пришлось домыслить.

КОЗНИ ДУХА БЕЛОЙ ГОРЫ

Спустя шестьдесят лет после гибели группы Дятлова возле горы Холатчахль на Северном Урале центральное телевидение вновь открыло цикл передач об этой трагедии, присовокупив к первому происшествию гибель наших земляков из Петропавловска на перевале Хамар-Дабан в Бурятии. Я понимаю желание телевизионных боссов срубить побольше денег за рекламу на каналах, ясно мне и желание либеральных некрофилов во что бы то ни стало потоптаться на гробах нелюбимого ими государства, но что-то в душе моей и воспоминаниях говорит о том, что не всё так однозначно. Это была наша жизнь, которую мы любили и любим, а в ней случается всякое. Не стоит только чернить своё прошлое.

Шёл памятный всем моим ровесникам 1990 год. В это трудное время развала великого государства четверо спортсменов из Новосибирска решили совершить зимнее восхождение на высочайшую вершину Алтая. Время для героического поступка выбрано было не самое лучшее, но теперь, за давностью лет, когда участников отыскать трудно, никто не скажет, какая нужда заставила их тогда идти в трудное и опасное путешествие. Парни были опытными, за плечами каждого из них были подъёмы на все самые неприступные вершины Советского Союза.

Попрощавшись с главным сибирским мегаполисом, они сели в поезд «Москва – Лениногорск» и на следующий день вышли в Усть-Каменогорске. Город встретил гостей тридцатиградусным морозом. Четверо зимних альпинистов с лыжами и огромными рюкзаками добрались до вокзала, откуда уходил пассажирский состав на Зырянск. Путь предстоял неблизкий: сначала по железной дороге, потом на автобусе до Курчума, а дальше на своих двоих до нижнего лагеря, откуда летом спортсмены начинают путь к всегда заснеженной вершине Белухи. Восхождение с казахстанской стороны считается самым трудным и опасным. Неизвестно, сколько жизней Дух Белой горы закружил и оставил навсегда на острых скалах, в бездонных пропастях и под могучими лавинами.

Но следы оплывин в виде срезанных, как бритвой, пихтачей и ельников удивили туристов хаотическим нагромождением обломков деревьев и пластов твёрдого, слежавшегося снега.

Здесь, на высоте тысячи метров над уровнем моря, было намного теплее, чем в областном центре и населённых пунктах, которые они миновали. Натопив

пятистенок базового лагеря, спортсмены приготовили калорийные обед и ужин, рано залезли в спальники и забылись сном праведников.

Утром, в шесть часов, старший группы – Андрей разбудил всех звоном старинного будильника, который сопровождал его во всех странствиях по стране. Умывшись и позавтракав, группа покинула уютное пристанище и направилась вверх по склону, оставляя за собой глубокую лыжню. К вечеру добрались до последней избушки на их пути – выше жилья уже не будет – и расположились на ночлег.

Под треск дров в железной печке пролетела ночь. Выбравшись на заре из низкой двери рубленного из тонкой лиственницы жилища, путешественники увидели в конце долины розовые от восходящего солнца пять разновеликих пиков Белухи.

– Скоро мы покорим тебя, матушка Белуха! – восторженно воскликнул всегда жизнерадостный врач экспедиции Георгий.

– Вот всегда ты так! Знаешь ведь, что нельзя заранее предсказывать судьбу восхождения. Священный Дух Белой горы непредсказуем, и не любит, если кто-то вторгается в зону его ответственности, – шутиливо предостерег Сергей, руководитель одного из самодеятельных театров Новосибирска. Являясь атеистом, он всё-таки на каждой высокой горе придумывал загадочного правителя этих мест, которому нужно поклоняться, иначе тот будет строить козни и не позволит удачно завершить экспедицию.

– Ладно вы, успокойтесь, не впервые мы покоряем эту гору, – остудил спорщиков единственный представитель рабочего класса в группе спортсменов, токарь Егор. – В нашем деле нужно надеяться только на Господа! Лучше помолитесь, – и он перекрестился на розовеющий восток.

– Отсюда начинается самая трудная часть нашего пути, – напомнил друзьям Андрей. – Вы все опытные альпинисты и знаете, что мелочей в нашем деле не бывает. Скоро начнётся высокогорье, скалы, ледники, нехватка кислорода. Прошу вас, будьте начеку, не расслабляйтесь. Лыжи и лишние продукты оставляем здесь: теперь каждый грамм будет весить намного тяжелее.

Вскоре стрелка высотомера показала три тысячи метров над уровнем моря. Поглядев в бинокль на далёкие вершины с лохматыми от ветра снежными горбами Андрей понял, что лёгкой прогулки не предвидится. Скорее всего, к вечеру разыграется метель, как раз когда нужно будет проходить самые трудные километры намеченного пути.

Альпинисты шагали по гребню отрога, который вёл их к желанной цели. После обеда на них стали налетать с каждой минутой крепчавшие порывы ветра. Снежная крошка больно била по лицам и с хрустом выбивала дробь на грубой одежде путников.

Как самый опытный, Андрей знал, что метель скоро не закончится, и поэтому взглядом искал ровное, защищённое от схода снега место. Пока они поднимались, то тут, то там с шипящим звуком сходили небольшие лавины. Не хотелось бы попасть под эту перемальвающую всё и вся снежную стихию.

Наконец друзья увидели годную для установки палаток почти ровную площадку. Правда, Андрея смущал нависший сбоку, над гребнем, огромный заструг, но, посчитав, что на стометровом расстоянии он безопасен, спортсмены стали устанавливать палатки: одну общую трёхместную и однуместную для доктора, в стороне.

– Не отрывался бы ты от коллектива, – ерничал над своим почти тёзкой Егор,
– добром это не кончится.

– Мой медпункт должен быть стерильным, – отвечал ему Георгий.

В большой палатке зажгли «Шмель», подогрели ужин и поели. Несмотря на крохотный размер отопительного прибора, в помещении стало тепло.

– Так бы и остался у вас ночевать, – разомлев в тепле, мечтательно произнёс врач.

– Вот и оставайся, места всем хватит, – пригласил его Андрей.

– Да нет, каждый сверчок должен знать свой шесток, – и Георгий навсегда скрылся за пологом палатки.

Злая вьюга выла и рвала тонкий брезент ненадёжного убежища. Забравшись в спальные мешки, усталые экстремалы тут же забылись крепким богатырским сном, без миражей и видений.

Часов в семь утра Андрея разбудил шум и треск, и его сразу же придавило чем-то тяжелым и холодным. С ужасом он понял, что оказался замурованным под лавиной. Высвободив руки, он упёрся в ткань палатки и с трудом выбрался из спального мешка. Рядом он услышал ворочавшегося и мычащего Егора. Чтобы до него добраться, пришлось долго стряхивать с палатки снег. Наконец токарь тоже был на свободе. Он достал нож и хотел разрезать брезент, но старший группы замахал на него руками:

– Как ты будешь жить в дырявой палатке?

Вдвоём они стали освобождать придавленного через ткань скатившимся снегом Сергея, которому досталось больше, чем товарищам. Освободив совсем потерявшего надежду работника культуры, они услышали от него:

– Думал, что конец мне пришёл, – голос его дрожал, – спасибо, выручили! Всё-таки Дух Белой горы за что-то обиделся на нас.

Друзья немного полежали, осмысливая сказанное и приходя в чувство. Вдруг Андрей встрепенулся:

– Как там доктор?!

Отыскав выход из палатки, они ползком выбрались на свет божий и остановились, поражённые ужасной картиной: острого снежного навеса, что свисал в ста метрах от лагеря, больше не существовало. Неизвестно, по каким законам природы он обрушился вниз и самым краем наехал на спящих спортсменов. Самое большое количество снега скатилось на место стоянки Георгия.

На скорую руку сбросив снег со своей палатки и подняв её, альпинисты достали ледорубы, другой необходимый инструмент и начали поиски засыпанного снегом товарища. Положение усугубляло то, что скатившийся пласт мог далеко унести брезентовое жилище врача. Метель не унималась. В темноте, обессиленные, они вернулись в трепетавшую на ветру палатку. Надежды на спасение товарища почти не оставалось. Посоветовавшись, решили, что утром Егор пойдёт за помощью, а двое оставшихся будут продолжать поиски. На душе у всех было тяжело. Кое-как поужинав, легли спать.

Утром, собрав на дорогу рюкзак, гонец отправился в путь, Андрей же с Сергеем пошли продолжать поиски пропавшего спутника. Метель не переставала мести снежную пыль с одного места на другое. Постепенно увеличивалось количество вырытых в снегу траншей, которые тут же неумолимо заполнялись снежной крупой.

– Я думал, что минует меня участь сия, – проговорил Андрей, угрюмо глядя на гребень, который стал причиной лавины, – конечно, при нашем деле ко всему нужно быть готовым, но всегда надеешься на лучшее. Для меня остается загадкой: почему лавина сползла на лагерь, какая сила направила её в нашу сторону?

– Тут непременно поверишь в Духа Белой горы, которого так почитают алтайские шаманы, – грустно ответил Сергей.

– Это происшествие не даст мне покоя всю оставшуюся жизнь: как представлю себе задыхающегося под снегом Георгия – жизнь становится не мила. Ладно, давай искать товарища, кроме нас никто его не отыщет, – и Андрей с остервенением взялся за работу.

К обеду погода стала улучшаться, изредка проглядывало солнце, но настроения это альпинистам не прибавило. Разделив на квадраты снежный завал, друзья рыли и рыли твёрдый снег.

К вечеру, когда надежды уже не оставалось, Сергей, в очередной раз ударив ледорубом, почувствовал под снегом что-то мягкое. Быстро разрыв руками дно траншеи, он увидел камуфляжную ткань. Призывно махнув рукой, подозвал к себе товарища, и они осторожно откопали палатку. Раскрыв молнию, они вытащили спальный мешок Георгия, освободили его лицо и рот от снега. Если ещё час назад в их душах теплилась надежда, что врач жив, то теперь, глядя на его заледеневшее лицо, спортсмены должны были признать – друга больше нет. Соорудив из палатки что-то вроде волокуши, они положили на неё спальник с телом погибшего спутника.

В вечернем мареве розово светились вершины Белухи. Ветер снова поднимал облака снега над хребтами ближайших гор. Завтрашний день обещал новую метель. Андрею не давала покоя мысль: почему лавина свернула на их стоянку? Поднявшись над похожим на реку, но замеревшим сейчас потоком, он с удивлением увидел обнажившееся ребро скалы, которое и завернуло на лагерь многотонный массив лавины. Позавчера этого гребня под снегом не было заметно.

Решение загадки не облегчило душевного состояния альпинистов. Тяжёлой была очередная ночь, проведённая во владениях Духа Белой горы. Думы о потере товарища не давали ни на минуту забыться в тревожном сне. Наконец наступило утро, но и оно не принесло облегчения измученным восходителям. Налетевший с вершин неистовый ветер, казалось, вот-вот унесёт палатку вместе с людьми в гудящие ущелья Алтайских гор. Спускаться в такую погоду решил бы только сумасшедший. Вот и пришлось альпинистам коротать ещё ночь, обогревая своё жилище «Шмелем» и сухим спиртом.

А в это время Егор, добравшись до избушки, где они оставили лыжи, немного передохнул и, несмотря на темноту, пошёл дальше. На высоте двух тысяч метров ветер был слабее, ходьба на лыжах, за исключением крутых спусков, намного облегчала движение, и гонец по старым следам вскоре пришёл к базовому лагерю.

Вконец измотанный, он растопил печь и, не раздеваясь, рухнул на кровать. Проснувшись ночью, зажёл свечу, разогрел на остывающей печке консервы, перекусил, запив еду чаем. Душа болела в заботе об оставленных друзьях, поэтому Егор закрыл дом и, встав на лыжи, снова отправился на поиски средств связи, чтобы вызвать спасателей.

К обеду путник наткнулся на лыжню, камусный след которой говорил, что охотник совсем немного опережал его. Надежда окрылила альпиниста, он при-

бавил скорости и хрипло закричал, увидев впереди споро шагавшего соболятника. Тот с удивлением смотрел на приближавшегося мужчину в зелёной ветровке.

Встреченного охотника звали Аникей; несмотря на очень сбивчивый рассказ спортсмена, он сразу понял серьёзность положения и повёл Егора на кордон, где должен быть телефон.

– Тут недалёко, километров тридцать, там тебе помогут, даст Бог, вертолёт вызовут и спасут твоих товарищей, – успокаивал спутника охотник и удивлялся, – да как у вас хватило ума зимой на такую высоту лезть! У меня сродный брат Данила как-то за козлом погнался и заплутал, дак до сих пор Духа Белой горы вспоминает.

Долгой показалась уставшему Егору дорога до просторного крестового дома лесничего. Наконец они вошли в комнату, где хозяин, Алексей Петрович, лечился домашним пивом на рябине. Но услышав о попавших в беду людях, стал звонить спасателям, от которых услышал в ответ, что их службу закрывают и ничем они помочь не могут. То же ответили и на вертолётной площадке, где не было топлива. Даже в райкоме никто ничем не мог помочь. Растерянные, они сидели, не зная, что предпринять,

– Позвоню-ка я в райотдел милиции, может, они помогут, – сказал он, хотя уже мало верил в счастливый исход дела. – Вот, стоило развалиться государству, как все руководящие структуры пришли в негодность. Да разве бы оставили людей в беде в Советском Союзе?

В РОВД долго не отвечали лесничему, а когда связь наладилась, посоветовали обратиться в областной отдел внутренних дел и соединили с дежурным.

Звонок принял капитан милиции Василий Павлович Белецкий. Неожиданное сообщение поставило его в тупик, он впервые столкнулся с таким происшествием. Но где-то далеко в горах погибали люди, и как человек, воспитанный в атмосфере равнодушия, капитан не мог оставить их в беде. Позвонив по нескольким адресам, дежурный, наконец, услышал дельный совет. В военкомате ему дали номер телефона Курчумского пограничного отряда. Пограничники согласились помочь и направили к терпящим бедствие альпинистам наряд с необходимым в таких случаях снаряжением.

Когда на кордоне зазвонил телефон, лесничий быстро поднял трубку, и по его просветлевшему лицу Егор увидел, что пришла хорошая весть. Алексей Петрович рассказал ему об отряде пограничников, который вскоре придёт на помощь альпинистам.

– Вам приказано оставаться здесь, чтобы довести военных до места схода лавины.

Спортсмен не присел ни на минуту, пока не увидел долгожданную подмогу. Молоденький лейтенант деловито сказал:

– Отдыхать некогда, сразу пойдём, там люди могут погибнуть.

И небольшой отряд двинулся по оставленной Егором лыжне. Офицер быстро шагал впереди, сразу было видно, что идёт тренированный человек. Солдаты не отставали от своего командира. Единственный среди них гражданский приходил на помощь только когда нужно было найти заметённый вьюгой след.

Примерно в это же время Андрей и Сергей, не ожидая спасателей, сами решили спускаться вниз. Укрепив тело Георгия на волокуше из двух палаток, они осторожно потянули её по гребню хребта, один впереди, другой – для страховки –

сади. Дорога была нелёгкой. Ветер то совсем обнажал землю, то заносил снегом по пояс. В любом случае печальный груз везти было нелегко. Лица у обоих были местами обморожены, руки тоже прихвачены стужей, спасал только гусиный жир, заготовленный перед экспедицией.

Две группы двигались навстречу друг другу, и расстояние между ними не быстро, но всё-таки сокращалось. Спускавшиеся от усталости потеряли счёт дням и ночам, проведённым в гостях у Духа Белой горы.

Из последних сил Андрей толкнул заскрипевшую дверь верхней избушки. Уложив скорбный груз с подветренной стороны, смертельно уставшие друзья вошли внутрь. Сил хватило только для того, чтобы растопить буржуйку.

Проснулись они от разговора большого количества наполнивших хижину людей. Солдаты, радостные, что встретили альпинистов, обнимали их и наперебой подносили кружки с горячим чаем. А лейтенант взволнованно произнёс:

– Какие же вы всё-таки молодцы! И сами живы, и товарища не бросили!

У спортсменов из глаз покатались слёзы, от которых сильно защипало раны под коростами обмороженных щёк.

– Какие мы молодцы? Уходили вчетвером, а вернулись трое! – с горечью произнёс Андрей, и ему вспомнились шутливые слова Сергея о непредсказуемости сурового Духа Белой горы.

Путь в Курчум вспоминается как во сне. Пограничники взяли все заботы о погибшем докторе на себя. Донесли до кордона, погрузили на автомобиль и вместе с альпинистами привезли в отряд, откуда отправили в Усть-Каменогорск.

Теперь я хочу дать слово человеку, без которого я бы не написал этого рассказа – полковнику милиции, моему земляку по Риддеру, Виктору Алексеевичу Маштакову, который и поведал мне о том трагическом случае. Сейчас он в запасе, а тогда, в девяностые, был заместителем начальника дежурной части областного отдела внутренних дел.

В тот день, много лет назад, придя утром на службу, он выслушал рапорт капитана Белецкого о случившемся в Алтайских горах чрезвычайном происшествии.

Расспросив дежурного о дальнейшем развитии событий и убедившись, что всё сделано правильно, люди, за исключением погибшего, спасены, он отрапортовал по инстанции. Потом ещё раз позвонил в пограничный отряд, убедился, что пострадавшие скоро приедут в областной центр, и занялся текущими делами.

В то время криминальная обстановка в городе не давала расслабиться, у правоохранительных органов дел было очень много, и к вечеру он почти забыл о случае с альпинистами. Потому, увидев в дежурке у капитана Белецкого посторонних людей, зашёл туда узнать, в чём дело, и поразился удивительной картине: перед невысоким капитаном стояли на коленях три здоровенных мужика в видавших виды альпинистских куртках и благодарили его за спасение. Смущённый милиционер бегал между ними и старался поднять их на ноги, приговаривая:

– Ну что вы, встаньте, пожалуйста, я ведь просто выполнял свою работу! Вон пограничники гораздо больше для вас сделали.

Но Егор, запомнивший все переговоры лесничего с районными организациями и уже потерявший тогда надежду на помощь, ответил:

– Пограничников мы, конечно, поблагодарили, но ведь первым в цепочке хороших людей были вы. Раньше мы относились к милиции предвзято, за что просим прощения. Дай Бог, чтобы все исполняли свою работу так, как вы, и тогда в стране всё будет в порядке. Жаль, что не придумали медали «За человечность», если бы мне поручили распределять эту награду, вы были бы первым.

До поезда на Новосибирск оставалось совсем немного времени, и альпинисты, со слезами на глазах попрощавшись с собравшимися вокруг милиционерами покинули отдел внутренних дел.

В ТУ НОЧЬ, КОГДА КЛОКОЧУЩЕЕ ПЛАМЯ...

Нелегко писать о событии, произошедшем девяносто лет назад. Участников и свидетелей, конечно, нет в живых. На всякий случай позвонил в центр по выплате пенсий – увы, последний должитель скончался в прошлом месяце. Но, слава богу, остались книги, фотографии, газетные статьи, стихи и очерки современников, которые благодаря кропотливой работе архивистов и сотрудников музеев хранятся в фондах и запасниках этих организаций. Не хочется думать, что эти бесценные материалы могут попасть в руки людей, которые ненавидят наше прошлое. Лишимся мы своей истории, документы уничтожат или перепишут.

Однако не всё так безысходно и, может быть, я зря так сгущаю краски, здравомыслящих людей в нашей стране достаточно. Но грустные размышления часто приходит в моё сознание особенно после просмотра некоторых телепередач и посещения Интернета.

Чтобы у читателя появилось хоть какое-то представление о месте, где произошло чрезвычайное происшествие, я рискну вставить в повествование свои воспоминания конца 1950-х годов, когда со дня поджога фабрики прошло немногим более 30 лет.

Город Лениногорск моя бабушка Матрёна да и другие её ровесницы называли всегда Риддером. Видимо, это название пришлось им по сердцу, когда во времена коллективизации они сбежали сюда из Алтайского края, с берегов реки Чарыш, и остались здесь навсегда. Теперь их кресты печалятся на увалах Таловского кладбища. В юности, когда я к ним приезжал с лесоучастка, они жили в двухэтажном бараке по улице Вокзальной. До сих пор помнятся острозубые вершины Ивановского Белка, булыжная мостовая, построенная пленными немцами и сладковатый привкус газа из высокой трубы свинцового завода.

Улица, начинаясь от старого вокзала, вела через мост речки Филипповки к центру города, базару и далее на новостройку. А слева, вверх по берегу, стояли построенные концессионером Лесли Урквартом ещё до революции деревянные двухэтажные дома для инженеров и мастеров. Почему-то их называли «ерапланами». Они резко отличались своим иностранным видом от бараков и частных домов местных бергалов.

Ещё в те годы я как-то услышал о пожаре, устроенном вредителями на обогатительной фабрике. Этот рассказ отложился в моём сознании, но всегда что-то мешало поподробнее узнать о том трагическом событии конца тридцатых.

Невдалеке от берега Филипповки высилась кирпичная ограда со Свинцовой сопкой, рудниками, заводом, обогатительной фабрикой и вспомогательными

цехами полиметаллического комбината. Центральную проходную, ещё её называли «первые ворота», охранял вохровец с трёхлинейкой. От проходной через речку после небольшого подъёма стоял первый в городе четырёхэтажный дом с магазином на первом этаже. Его так и называли «Четырёхэтажный магазин». За ним раскинулся парк, где кипела полноценная жизнь. Работал клуб цветников имени 10-й годовщины Октября, танцплощадка, дорожки из кирпичной крошки пересекали в разных направлениях насаждения тополей и клёнов. От очага культуры в стиле модерн, построенного в 1927 году, центральная аллея вела к фонтану и цветочным клумбам. Тройная аркада с могучим горняком посередине приветствовала горняков и металлургов, шедших и возвращавшихся с работы. Заросли молодых деревьев украшали скульптурные группы лосей, оленей, косуль и других лесных обитателей.

На одном из ответвлений аллеи, у ограды парка, стояло просторное, построенное из шпунтовки светло-зелёное здание летнего кинотеатра. Помню, в бытность моей работы на городском радио мы часто сбегали с работы из редакции, что находилась через дорогу, наискосок от боковых ворот парка. Все новые фильмы были нашими.

Теперь уже нет клуба цветников, летнего кинотеатра, фонтана и скульптур. От парка остались только заросли старых тополей и клёнов да раз в год приводимая в порядок могила погибших под землёй горняков, хотя люди, как и прежде, ходят здесь через то, что осталось от бывшего очага культуры, к проходной центральной заводской ограды. Правда, большинство теперь предпочитает добираться до работы на автомобилях.

Но вернёмся на 90 лет назад, в 1929 год. Первый год пятилетки молодой Республики Советов. Строились заводы, фабрики, открывались школы, ликбезы. Люди учились с рвением, работали с упорством, создавая мирное, светлое будущее.

Однако не всем по душе были успехи молодого советского государства.

Глухая ночь 31 августа. Вверх по Филипповке бесшумно плывёт челнок с молчаливыми людьми, которые с опаской смотрят на проходящую рядом с берегом дорогу. Судёнышко наполнено бочонками с бензином, мешками с пропитанной соляром паклей и другими легковоспламеняющимися материалами. От зловонного запаха у таинственных пассажиров слезятся глаза, но обещанная заказчиком награда и мечты о сытой и спокойной жизни за границей помогают пройти через все трудности, чтобы исполнить задуманное.

Наконец прямо напротив обогатительной фабрики челнок мягко уткнулся в берег. Быстро выгрузили поклажу и незаметно перенесли груз к деревянным стенам объекта, предназначенного для диверсии. По заранее обдуманному плану разложили в пожароопасные точки предназначенный для поджога опасный груз. Старший ещё раз проинструктировал угрюмых подельников о времени начала операции, и группа растворилась в темноте.

А сейчас благодаря материалам городского архива и риддерского краеведческого музея я попробую восстановить события, как их видели в то время работники полиметаллического комбината.

Наступил вечер. Проведя шумный и весёлый митинг в честь Международного юношеского дня, комсомольцы собрались в дощатом летнем кинотеатре смотреть старый американский фильм. Волшебным зелёным светом засветился экран, и тапёр Потанина взяла первые аккорды на пианино, сопровождая показ

музыкой. Тогда все фильмы были немыми, и в сотрясавшемся от порывов ветра зале стало уютно.

Однако вскоре в музыкальное сопровождение снаружи вошёл какой-то новый тревожный звук. Это хрипло ревел гудок паротурбинной станции. Тут же распахнулись двери кинозала, и в тучах пыли и сухих листьев возник бледный Витька Копылов – секретарь райкома комсомола:

– Ребята! Фабрика горит!

И будто ветер сдул всех с мест и понёс на своих крыльях в темь, к Филипповке, к ограде, за которой возникло зловещее зарево. Вслед за вожаком бежали первые комсомольцы и молодёжь города.

Именно тогда в газете «Риддерский рабочий» появились стихи К. Носова «Героям стройки»:

В ту ночь,
Когда клокочущее пламя
Слизнуло вмиг труды упорных лет...
Не дрогнули ряды,
Не опустилось знамя,
Сплотились все для будущих побед...

Конечно, основным костяком активных комсомольцев были рабочие парни, такие как Иван Копылов, Александр Скуратов, Иван Решетин, Георгий Колмогоров, Виктор Конобасов, Анна Капустина, Михаил Пойдо и многие другие. Только один факт, что из их числа вышли два генерала – И. Копылов и А. Скуратов говорит о талантливости и преданности Родине риддерской молодёжи. Уважения заслуживает Виктор Конобасов, сын полицейского пристава, порвавший с семьёй и достойно проживший потом жизнь в стране Советов. Не могу не вспомнить и Георгия Колмогорова, который покончил жизнь самоубийством из-за того, что его во время Ленинского призыва не приняли в партию. Не знаю, как другие, а я отношусь с уважением к его поступку. Он честь поставил выше собственной жизни.

Позднее диверсии продолжались. В одну из сентябрьских ночей загорелись постройки Григорьевской шахты. Пламя быстро подобралось к копру, компрессорной и испепелило их. Горящие головни несло ветром на территорию свинцового завода, где загорелся кокс, а также сернокислотный цех. Огонь угрожал жилым домам рабочего посёлка, протянувшегося вдоль речки. К тому же вредители порвали провода электролинии на Хариузовской ГЭС, выпустили воду из водонапорного пожарного бака. Рабочие комбината успели перекрыть железными плитами ствол Григорьевской шахты, отстояли механический и столярный цеха, складские помещения и жилые дома.

Николай Дмитриевич Кожевников, мой первый наставник на журналистской стезе, в очерке о Владимире Клинке «Страницы его жизни» рассказывает:

«На фоне гигантских языков пламени были видны толпы людей. Они отчаянно что-то кричали, размахивали руками. Однако приблизиться к горящей фабрике не могли: слишком сильное было пламя. Подоспевшие пожарники не смогли дотянуть пожарного рукава до речки. А тем временем огонь по резиновому проводу готов был перебраться на основное здание. Спасти его можно быстро, только перерезав кабель. Это понял и Володя. Но как до него добраться, если всё вокруг объято пламенем? Но он всё-таки решился.

Облившись водой, он метнулся к пылающему зданию и, цепляясь за выступы, полез наверх. В толпе послышались крики: «Куда ты, сорви-голова, сгоришь!», но парень поднялся до крыши, ухватился за карниз, перевалился через него всем телом и исчез за клубами дыма. Там, наверху, рискуя провалиться вниз, он подбежал к горящему кабелю. Резина плавилась, разбрасывая огненные брызги во все стороны. Тяжёлой металлической пластиной Клинку удалось перебить провода и сбросить их вниз. На нём уже горела одежда. Хотел спуститься вниз, но тут заметил ещё одного комсомольца, у ног которого лежал огнетушитель. Тот был охвачен пламенем, и судорожными движениями то закрывал лицо руками, то стряхивал с себя языки огня. В одно мгновение Володя очутился рядом, поднял огнетушитель, ударил головкой о перекрытие и с криком «Закрывай лицо!» направил на парня пенную струю,

Комсомольцы отчаянно тушили пожар на многих очагах возгорания, но всё же к утру на месте предприятия остались груды обгоревших досок и брёвен. Коммунисты и комсомольцы организовали митинг, на котором единогласно решили восстановить фабрику уже к 7 ноября. Виктор Копылов и Владимир Клинке стали зачинщиками этой инициативы.

Через несколько дней администрация комбината за активное участие в тушении пожара наградила большую группу отличившихся. Среди названных одним из первых значился Клинке. Ему вручили ордер на получение рубашки.

До мельчайших подробностей рассказывает о пожаре Владимир Викторович Чернышов в книге «Лениногорский полиметаллический комбинат», изданной к 70-летию предприятия.

«Риддерцы, от мала до велика, объявили себя мобилизованными. Всем было ясно, что нельзя оставить страну без свинца в год “великого перелома”. На одном из подъездных путей предприятия установили вагон, и в нём расположился штаб восстановительных работ, тут же обосновались редакция и типография рабочей газеты “Горняк в соревновании”. Первый её номер вышел в июле 1929 года.

“Это было как на фронте, – вспоминает эти дни участник восстановления предприятий комбината Ю. Н. Свядош, впоследствии заслуженный изобретатель Казахской ССР. – Помню казарменное положение, котловое довольствие и труд без смен – кто сколько выдержит. Но никто не роптал, лозунг «Сдадим фабрику в срок!» был программой для каждого из нас. Умело воодушевляли молодёжь вожаки риддерского комсомола В. Копылов, С. Амерханов, М. Костин”.

Рабочие Риддера добровольно увеличивали рабочий день до 10 часов, но многие проводили на площадке круглые сутки. Спали по 3-4 часа, где придётся, и продолжали работу. Даже прежние фундаменты пришлось снова разбирать и бетонировать, потому что по ходу решили расширять пролёты цехов. Шахтёры разбуривали бетон, взрывники заряжали шпурсы и взрывали старое основание. Металлурги стали каменщиками, обогатители – плотниками и слесарями. Каждая суббота стала массовым субботником и каждое воскресенье – воскресником.

“Если лес и металл мы могли достать, то новых двигателей из-за границы ждать не приходилось. Группу, восстанавливающую двигатели, – вспоминает Ф. Н. Столбов, – возглавлял Николай Иванович Решетников, работавший до революции на заводах «Симменс-Шуккерт» и предприятиях других немецких фирм, находящихся в России. Он обладал большим опытом. Придумал множество приспособлений, благодаря которым обгоревшие двигатели всё же заработали”.

Учитывая случившееся, специалисты пришли к решению – везде, где только можно, заменить деревянные конструкции на стальные и железобетонные. День и ночь мерцали огоньки электросварки на обогатительной фабрике, и на месте пепелища выросли стальной копёр Григорьевской шахты, железобетонные стены фабрики, машинного отделения, компрессорной. На глазах рождалось производство, по многим позициям превосходившее прежнее. Страна помогала стройке чем могла: обеспечивала материалами, оборудованием, присылала квалифицированный технический персонал.

Горняки горячо и заинтересованно обсуждали узкие места и неполадки во всех производственных подразделениях комбината. Устанавливались жёсткие сроки наведения порядка, а потом сами рабочие контролировали выполнение своих решений.

Ветераны помнят одно из рабочих собраний, которое вёл печально известный в республике секретарь Крайкома ВКП(б) Ф. И. Голощёкин. Каждый день был на счету, и рабочих очень беспокоило, что один крайне необходимый двигатель где-то в пути застрял. Машинист паротурбинной станции старый коммунист Заозёрский начал, как говорится, рубить с плеча:

– Вот вас, Филипп Исаевич, привезли на самолёте? – обратился он к председателю собрания. – А двигателя до сих пор нет. Привезти не на чем.

Сказал с таким чувством, что в зале заулыбались. Голощёкин посмотрел в зал, а потом тоже с улыбкой ответил Заозёрскому:

– Я вам обещаю – через четыре дня двигатель будет у вас.

На четвёртый день, увязая в грязи, через весь Риддер к стволу Григорьевской шахты тащилась громоздкая телега, в которую гуськом были запряжены пять лошадей. Секретарь крайкома обещание выполнил. И у риддерцев слова с делами не расходились. Вскоре в Москву полетела телеграмма, в которой сообщалось, что работы по восстановлению фабрики окончены досрочно!»

Страна во всё возрастающих объёмах получала риддерский металл. Во главе соревнования шли коммунисты и комсомольцы, показывающие примеры доблести и героизма на трудовом фронте.

Как писали центральные и местные газеты в декабре 1929 года, в Москве, в Колонном зале Дома Союзов открылся первый Всесоюзный съезд ударных бригад. На нем с рассказом о восстановлении обогатительной фабрики после поджога наёмниками Лесли Уркварта и развернувшимся в Риддере затем движении ударников, о героизме трудящихся при восстановлении предприятий комбината выступил секретарь Риддерского райкома комсомола Владимир Одинцев.

Моё повествование, конечно, не детектив, хотя некоторое сходство с ним присутствует, а журналистское исследование. Заканчивая работу, мне хотелось назвать причины и имена тех, кто был причастен к преступлению. Я долго перебирал собранные документы, но для достойного финала фактов и фигурантов не хватало. И вдруг мне вспомнились слова моего недавно ушедшего друга, поэта и краеведа Михаила Немцева, которые он мне сказал, когда я обратился к нему с каким-то вопросом по истории Рудного Алтая:

– Читай мои книги – там всё написано!

И действительно, взяв из шкафа блестяще изданную «Риддерскую концессию Лесли Уркварта», я быстро нашёл страницы со сведениями о пожаре на обогатительной фабрике.

Мне не пришлось ничего добавлять и придумывать, настолько всё точно вписывалось в хронику событий.

«В ходе следствия был изобличён непосредственный исполнитель, десятник Григорьевской шахты А. А. Башкирцев, и организатор поджога инженер-геолог Ив. В списке вредителей значился и заведующий металлургической секцией Семипалатинского губсовнархоза Н. К. Лессиг, как один из активных членов организации “Промышленная партия”, который на протяжении ряда лет “использовал своё служебное положение для срыва восстановительных работ на Риддере...” Николай Карлович был арестован почти за год до диверсии с пожаром и обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации и шпионаже. Коллегией ОГПУ 23 августа 1929 года был приговорён к исключительной мере наказания, расстрелян 31 августа 1929 года. Его подручный Башкирцев получил 10 лет лагерей. Не остались без наказания и другие участники поджога.

А “гнездом вредительства” и рассадником антисоветчины на Рудном Алтае в 1929 году вполне официально были объявлены иностранные соседи, зырянновские концессионеры. В то время даже появилось устойчивое словосочетание – “англо-зырянновские шпионы-вредители”, но более всего на слуху у обывателя и в средствах массовой информации были фамилии Детердинга, Пуанкаре и Уркварта, – бывшего хозяина риддерской концессии – “иностранных разбойников” и “агентов английской разведки”. В ходе судебного процесса фамилия Уркварта называлась в одном ряду с обвиняемыми. На что он заявил иностранной прессе: “Это грязная ложь! Каждое заявление о моей причастности к сговору с русскими сфабриковано”. На что тут же среагировали западные газеты: “Эти отвратительные большевики очернили его (Уркварта) незапятнанную репутацию”».

Но мы теперь знаем, насколько правдива пресса «свободного мира». В качестве активного члена «Ассоциации кредиторов России» он инициировал разрыв англо-советских отношений.

Но не сбился прогноз концессионера о скоропостижной кончине Пятилетнего плана, рабочие Риддера восстановили и модернизировали фабрику и другие предприятия, что позволило в годы Великой Отечественной войны говорить, что три из пяти пуль, выпущенных по врагу, отлиты из Лениногорского свинца.

Автор благодарен за предоставленные материалы архивисту риддерского филиала КГУ «Госархив» Давыдовой Галине Аркадьевне и специалисту по истории Риддерского краеведческого музея Сомовой Оксане Николаевне.

